

РЕКТОР ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Н.А. ГЕЗЕХУС И МУЗЫКА. ВОКРУГ ОДНОГО ПИСЬМА

Через детали текста подлинного письма первого ректора первого сибирского университета Н.А. Гезехуса к меценату и меломану М.П. Беляеву восстанавливается картина музыкальной жизни Томска в 1888/89 учебном году, а также определяется вклад любителей музыки в формирование социокультурной среды далекого от столиц провинциального города.

Ключевые слова: Императорский Сибирский университет; Н.А. Гезехус; М.П. Беляев; Томское отделение Русского Музыкального общества; социокультурная среда Томска.

16 мая 1878 г. Собрание законов Российской империи пополнилось новым государевым повелением – об учреждении Императорского Сибирского университета в Томске... Лишь десять лет спустя просторные кабинеты отстроенного великолепного здания первого на всей территории Азиатской России вуза заполнились студентами, и начался учебный процесс. Произошло это событие 6 сентября 1888 года. Среди преподавателей на тот момент самым старшим по возрасту был физик Н.А. Гезехус (полных 43 года!), на плечи которого легли обязанности директора (ректора). Кто он такой, откуда родом и надолго ли прибыл в Сибирь? Знание ответов на эти вопросы добавит немало важных штрихов к портрету одного из пионеров высшего образования в Сибири и участника процесса формирования социокультурного пространства Томска.

Сегодня в главном зале Военно-морского музея в Санкт-Петербурге экспонируется большая модель 84-пушечного парусно-винтового линейного корабля «Ретвизан» (1855 г. выпуска); на нём имеется пояснительная табличка, где упоминается имя – «строитель А.Я. Гезехус». Именно он, Александр Яковлевич, был в своё время удостоен орденов и Св. Станислава II степени, и Св. Владимира III и IV степеней, и бриллиантового перстня с вензелем Его Высочества, а также возведения в дворянство (вместе с детьми). У него (лютеранина по вероисповеданию) и Александры Густавовны (православной) родился в январе 1845 г. первенец Николай, который впоследствии тоже будет удостоен и Св. Станислава I и II степеней, и Св. Владимира III и IV степеней, и Св. Анны II степени и дослужится до чина действительного статского советника [1. С. 77–80].

Николай Александрович Гезехус (1845–1918) не продолжил дело отца, а выбрал путь учёного-физика и педагога. Для настоящего овладения выбранной профессией Николай Гезехус сначала окончил в 1869 г. Петербургский университет, в 1871–1872 гг. стажировался в Берлине у Г. Гельмгольца, затем работал в своей alma mater, получив степени кандидата, магистра, доктора наук, и, наконец, в 1880-х гг. волею судьбы оказался в Сибири. Одним из научных интересов Н.А. Гезехуса являлось изучение природы шаровой молнии. Подобно такой молнии Николай Александрович и «пронёсся» по Томскому университету. Прибыв в Томск летом 1888 г. с намерением ректорствовать, он уже в июне следующего года прямо-таки вопиёт в письме к В.М. Флоринскому (1833–1899), попечителю Западно-Сибирского учебного округа: «...тянет нас, ме-

ня и семью, в Петербург страшно... Судьба моя в Ваших руках. Перемещение моё в Петербург будет, разумеется, зависеть от Вас, Василий Маркович. Я уверен, что переезд мой в Петербург, если только он состоится, Вы не примете за бегство из томского Университета, воспоминания о котором у меня сохраняются самые хорошие во всех отношениях, и успехах которого буду всегда радоваться и, по мере сил, содействовать. Навсегда останутся также в моей памяти искренняя благодарность и глубокое уважение к Вам. Мой отъезд, разумеется, может состояться только после Вашего возвращения сюда. Но очень хотелось бы, чтобы это выяснилось как можно скорее, так как состояние духа у всех нас вследствие неуверенности и неопределённости исхода дела, самое тяжелое.

Глубоко уважающий Вас и искренне преданный Вам Н. Гезехус» [2].

Данная ситуация разрешилась благоприятно для Николая Александровича и его семьи – супруги Александры Юльевны (урожденной Трак) (1854–1893), детей Евгения (1878 г.р.), Веры (1881 г.р.) и Дмитрия (1887 г.р.) – и с осени 1889 г. жизнь вошла в привычную колею на берегах родной Невы. В столице Н.А. Гезехус вновь обрёл душевный покой, а «привычная колея» для него состояла из научно-педагогической деятельности (Петербургский технологический институт, Институт путей сообщения и др.), деятельности редакторской (в различных периодических изданиях), членстве в Русском физико-химическом обществе и обязательном (!) музицировании по пятницам у М.П. Беляева в квартире № 16 дома 50 по улице Николаевской.

По этому адресу с 1884 г. гостеприимный и хлебосольный дом Митрофана Петровича Беляева (1836–1903) стал важным центром музыкальной жизни Петербурга. Сюда на «беляевские пятницы» собиралась передовая художественная интеллигенция России. Именно с них началась многогранная и широкомасштабная деятельность М.П. Беляева. Эти «пятницы» – начало его «музыкального дела», а точнее: нотного издательства, «Русских симфонических концертов», «Русских квартетных вечеров», конкурсов на лучшее произведение камерного жанра, Глинкинские премии и т.д. [3]. Во главе идейно-художественного руководства беляевскими учреждениями стоял один из основоположников «Новой русской музыкальной школы» Н.А. Римский-Корсаков вместе со своими учениками-соратниками А.К. Глазуновым и А.К. Лядовым. Они

составляли руководящее ядро так называемого Беляевского кружка. Это передовое прогрессивное направление русского музыкального искусства приобрело особенно важное общественное значение в условиях политической реакции 80–90-х гг. XIX в. Как известно, в обстановке переходного периода от разночинного этапа освободительного движения к борьбе за пролетарскую революцию широкие слои общества были окончательно «разбужены» к сознательной гражданской жизни. В русле социально-общественных тенденций той эпохи возникали такие крупные культурно-художественные явления, как оперный театр С.И. Мамонтова, сокровищница изобразительного искусства П.М. Третьякова и, наконец, музыкально-просветительские учреждения М.П. Беляева, имевшие, как подчеркивал Н.А. Римский-Корсаков, огромное значение для русской музыки [4].

Вкладывать деньги в русское музыкальное искусство «на пользу общества» и «на благо Родины» М.П. Беляев стал активно в начале 1880-х гг. после личной встречи в студенческом оркестре Петербургского университета с Александром Глазуновым и знакомства с его ранними произведениями. Внимание Беляева, как он сам признавался критику В.В. Стасову, «было уже возбуждено сочинениями “Новой русской музыкальной школы”, но это впечатление было еще несколько нерешительное...» [5. С. 120]. Для более «решительного меценатства» у Митрофана Петровича существовал непреходящий интерес к художественной сфере и широкие финансовые возможности. Богатый лесопромышленник М. Беляев имел 25 паёв (на сумму 12 500 руб.) в семейной фирме «Беляев, наследники и К^о», был совладельцем товарищества «Невское пароходство» (с 4 паями на 20 тыс. руб.) и товарищества «Нефть» (25 паёв на 25 тыс. руб.). Он имел вклады на крупные суммы в Волго-Камском коммерческом банке, в Московском купеческом банке, в Санкт-Петербургском обществе взаимного кредита и т.д. [6. С. 126].

Поддерживая молодых музыкантов, пропагандируя русское музыкальное искусство посредством концертов на парижских выставках, М.П. Беляев «возмущался и протестовал, когда его называли меценатом...» [7. С. 5]. Он считал себя истинным купцом, роль которого в конце XIX в. абсолютно точно определил М. Приселков: «Былое приниженное положение купца, когда ему лишь разрешалось строить церкви и больницы как вид “общественных” работ, сменяется теперь положением руководящим в движении общего культурного наследия страны, и музыка, живопись, театр, просвещение, изобретения и техника – все теперь движется купеческим почином» [8. С. 42–43]. Беляевскому почину было положено начало в 1881–1882 гг., когда Митрофан Петрович, альтист-любитель, участвовал, как уже говорилось выше, в студенческом оркестре Петербургского университета, где сдружился не только с молодыми А. Глазуновым и Г. Дютшем, но и с Н. Гезехусом (гораздо более близким ему по возрасту).

В это же время происходило и формирование домашнего квартета М. Беляева. Мало того, строительство старшим братом Беляева дома на Николаевской, 50 изначально происходило с учётом проведения в квартире Митрофана Петровича на втором этаже

квартетных вечеров. «Прямо из передней, – описывал обстановку этих вечеров очевидец, – посетители проходили в просторную, удобно обставленную гостиную. На подставке из красного дерева здесь лежал огромный альбом с портретами композиторов всех времен; второй альбом – с художественно оформленными адресами, программами и другими памятными реликвиями, относящимися к различным знаменательным датам, связанным с деятельностью беляевских музыкальных учреждений. Из гостиной дверь открывалась в довольно большой, освещенный ровным светом музыкальный салон с двумя концертными роялями, портретами Римского-Корсакова, Глазунова, Лядова, Беляева, созданными Репиным по заказу хозяина дома. Вдоль стен расставлены стулья и несколько кресел. На столике палисандрового дерева – четыре настольных складных поупитра черного дерева. Салон обставлен солидно, скромно, со вкусом, без купеческих аляповатостей. Ровно в 8 часов вечера приходят участники квартета. Обсуждается программа вечера, коротко обмениваются мнениями...» [9. С. 34–35].

«Первое время, – пишет исследователь В. Трайнин, – состав квартетистов довольно часто менялся. Попеременно в нём играли: инженер М.М. Курбанов (оставил прекрасные воспоминания, изданные в Париже в 1929 г.) и профессор-физик Технологического института Н.А. Гезехус; после назначения его ректором Томского Технологического института (на самом деле Томского университета. – Т.З.) его пульт занял врач-хирург А.Ф. Гельбке. Партию 2-й скрипки некоторое время играл Петров – учитель музыки в Царском Селе, затем – М.Р. Щиглев; партию виолончели – чиновник Николай Никольский, а после него – профессор В.В. Эвальд. Со временем переменный состав стабилизировался, превратился в постоянный: А.Ф. Гельбке (1-я скрипка), Н.А. Гезехус (2-я скрипка), М.П. Беляев (альт), В.В. Эвальд (виолончель). Подбирая участников домашнего квартета, Беляев намеренно ориентировался не на профессионалов, а на музыкально образованных и технически подготовленных любителей, для которых музицирование было бы не службой, а духовной потребностью, художественным наслаждением» [7. С. 32–33]. Так вот, «стабилизация состава» этого любительского коллектива произошла уже после возвращения Н.А. Гезехуса из Томска в Петербург, и до конца дней М. Беляева (1903 г.) в таком составе Николай Александрович исполнял партии 2-й скрипки, а до конца своих дней (1918 г.) состоял еще и членом Петербургского общества камерной музыки и слыл среди меломанов «весьма осведомлённым в квартетной литературе музыкантом».

Композитор Я.Я. Витол, семнадцать лет участвовавший в «беляевских пятницах», тоже упоминает в своих воспоминаниях имя бывшего первого ректора первого сибирского университета, искаζει, правда, на «прибалтийский лад» фамилию профессора Технологического института Гизекуса (2-я скрипка) [9. С. 60] в контексте воссоздания любопытной картины одного из пятничных вечеров: «В дверях появляется импозантная фигура Владимира Васильевича Стасова. Вместе с ним – всеобщий баловень Илья Ефимович Репин... щуплый, наполовину меньше Стасова, кудрявый... с

рующего в Томске, Рейзенауэра глазуновской Симфонией № 2, которую этот «отличный пианист» играл (конечно, в переложении для фортепиано) с «одним хорошим любителем» – Томашинским [10]. Потрафив тем самым самолюбию Митрофана Беляева, петербуржец Н. Гезехус одновременно как бы подчеркивает, что Томск хотя и находится на значительном расстоянии от столицы, но тысячи километров – не преграда; музыкальные новинки, мол, и сюда доходят быстро...

И это не удивительно. В Томске в 1880 г. книгоговец-просветитель П.И. Макушин открыл музыкальный магазин, в котором нотный отдел имел богатый выбор, а еще раньше, с 1873 г., в макушинском книжном магазине имелся нотный отдел, регулярно пополняемый русскими и иностранными новинками. Так что к моменту появления столичного жителя на берегах Томи здесь в масштабах «культурной провинции» складывалась культурно-просветительская инфраструктура. Даже не впадая в «местный патриотизм», нельзя не заметить в этой связи некоторого снобизма петербуржца, так или иначе просматривающегося в тексте исследуемого письма. Н.А. Гезехус, например, пишет: «...мне удалось один раз играть в квартете, но... лучше уж и не говорить об этом». А вот говорить-то как раз стоило бы о том, почему после 26-летнего существования Петербургской консерватории и 22-летнего – Московской их выпускники с дипломами «свободных художников» не стремились ехать в Сибирь? А если кто и приезжал, то задерживался тут не больше года...

В другом абзаце своего письма Н.А. Гезехус даёт оценку дирижёру – «отличный флейтист г. Тершак, дирижировавший раньше филармоническими концертами в Константинополе. Говорят, что он хорошо уже вымуштровал здешний плохой оркестр». Вопросом «откуда взялся хорошему оркестру в сибирском, ещё вчера “медвежьим углу”?» Николай Александрович не задаётся. Зато не упускает случая подчеркнуть, что «король флейты», как называли А. Тершака газеты, выступал ранее за границей, и это надобно ценить. А то, что Тершак обещал Томскому отделению ИРМО продирижировать двумя концертами безвозмездно, но уже после первого же затребовал с Дирекции 200 рублей [15], Гезехус не упоминает. Об этом, конечно, говорить неприлично. Но это ли было не знать Николаю Александровичу как одному из директоров ТО ИРМО? Конечно, знал, однако акцент в письме пришёлся на «здесь плохой оркестр»...

Бесспорно, оркестр всегда и во всех провинциальных отделениях ИРМО был слабым звеном и «вопросом вопросов», который всюду решался исходя из местных сил и возможностей. В Томском Музыкальном обществе в тот год в его составе участвовали: 6 первых скрипок, 6 вторых скрипок, 3 альты, 2 виолончели, 2 контрабасы, 1 малая флейта (piccolo), 4 кларнета, 4 валторны, 2 трубы, 2 корнета с пистонами, 3 тромбона, 1 геликон, 1 большой барабан, 1 малый барабан, треугольник и 1 металлофон – всего 44 инструмента. Арфа заменялась роялем [15. С. 2]. Именно таким составом оркестр в упомянутом в письме концерте исполнял Симфонию № 1 Бетховена (все четыре части!), Концерт (f-moll) Шопена (две части), Венгерскую рапсодию № 2 Листа и Турецкий имперский

марш Тершака, написанный им в 1884 г. и «исполненный в Константинополе при торжественных выходах султана из дворца в мечеть». Марш «служил музыкальной картиной этой пышной церемонии, в которой принимало участие и войско» [15]. Так, во всяком случае, написано в программке, адресованной слушателям. Ещё одна красноречивая деталь – для столичного меломана «Программа» со сведениями об исполняемых произведениях и их авторах – обычное дело в конце 1880-х гг., а для Томска, хоть и губернского центра, подобное новшество – очередная ступенька в деле музыкального просветительства. Важность этого нововведения раньше всех поняли устроители концертов и музыкальных вечеров. Они первыми уловили, что в модели «музыкант – слушатель» для провинциальной музыкальной публики ролевые функции приобрели довольно чёткое выражение – «непросвещённый» слушатель стал нуждаться в мудром наставничестве. И устроители позаботились о наличии содержания исполняемых произведений в концертных программках. К тому же они отлично поняли, что привычная слушательская аудитория заметно пополнилась и в концертный зал, а точнее в зал Общественного собрания и театра Е. Королёва, где в основном проходили все мероприятия ТО ИРМО, пришёл совершенно новый для Томска слушатель – профессура и студенчество. Таким образом, как уже было сказано выше, с открытием университета начался новый отсчёт времени в томской культуре в целом и в музыкальной в частности.

Так же быстро, как можно напечатать новые образцы содержательных программ, нельзя «растиражировать» профессионалов-музыкантов. Поэтому прав, конечно, Н.А. Гезехус, называя местный оркестр плохим, так как состоял он в основном из любителей, как, впрочем, и хор. Но в хор входили преимущественно бывшие семинаристы, а они изучали музыкальную грамоту в обязательном порядке (потому-то Гезехус оценивает его как «хороший хор»). Прав Николай Александрович и в том, что высоко оценил пианизм «г-жи Залеской, жены одного из здешних профессоров». Гезехус не ошибся в оценке «отличной пианистки», так как на тот момент она действительно была в Томске единственным профессиональным музыкантом столь высокого уровня.

Ядвига Феликсовна Залеская (урождённая Ивановская) родилась на Украине, недалеко от городка Умани (где, кстати, с начала XX в. тоже достаточно полноценно функционировало отделение ИРМО). Год «трёх восьмёрок» – 1888 г., как и для Гезехуса, стал для Ядвиги поворотным в судьбе; в этом году она закончила Варшавский институт музыки, встретила молодого учёного-химика Станислава Залесского, и они молодожёнами приехали в Томск (к месту работы мужа). Осени этого судьбоносного года началась исполнительская деятельность блистательной в будущем концертантки, знакомой впоследствии со многими знаменитостями российского и европейского художественного мира рубежа XIX–XX вв., Ядвиги Залеской. Для неё фактически стартовой площадкой стала томская сцена всё того же Общественного собрания, Королёвского театра и зала Публичной бесплатной библиотеки Общества попечения о начальном образовании (членом

Совета которого она являлась). Очевидцем первых шагов Я. Залесской к большому успеху был Н.А. Гезехус (чему находится подтверждение в его письме из Томска от 1888 г.), безошибочно «вычисливший» масштаб таланта начинающей пианистки.

Столь же безошибочно профессор физики и скрипач-любитель со стажем Н.А. Гезехус выделил среди музыкантов-гастролёров, «покоряющих» необъятные просторы России, молодого виолончелиста А. Вербова и уже маститого пианиста А. Рейзенауэра (о нём речь идёт во втором, не рассматриваемом в настоящей статье письме к М.П. Беляеву). Александр Феодосиевич Вербов, уроженец Киева, окончил Петербургскую консерваторию по классу виолончели под руководством её директора, величайшего Карла Юльевича Давыдова (того самого, у которого брал уроки игры на виолончели сам великий князь Константин Николаевич – покровитель Императорского Русского Музыкального общества в 1873–1892 гг.). «Свободный художник» Александр Вербов, после консерватории пройдя через известный оркестр Главача в Павловске, отправился в Восточную Сибирь и отдал ей несколько лет жизни в надежде заработать здесь (в Иркутске, Кяхте, Красноярске) денег на качественный инструмент, с которым намеревался «немало послужить Сибири». Для этого он много гастролеровал. В сезоне 1888/89 г. выступал и в Томске, где, по отзывам местной прессы, его концерты проходили «на бис». К тому же он участвовал в благотворительном вечере, сбор с которого должен был пойти на пользу нуждающимся студентам (о чём Гезехус упоминает в письме).

Наверно информированный Гезехус сообщал М. Беляеву о том, что «любители предполагают нынешней зимой поставить оперу Даргомыжского “Русалка”». На самом же деле из «Русалки» прозвучал лишь 2-й свадебный хор в концерте 23 января 1889 г., а 16 апреля 1889 г. был поставлен IV акт из «Трубадура» Верди [15]. Но эти события для местных меломанов не стали таковыми для столичного знатока музыки Гезехуса, потому как упоминания о них не встречаются в его письмах. К сожалению, Николай Александрович ни словом не обмолвился и о том, что в этот сезон Томское отделение ИРМО отмечало 10-летие своей деятельности и в связи с этим 2 марта 1889 г. состоялся поистине гранд-концерт в театре Е. Королёва. Впечатлений о юбилейном вечере Н.А. Гезехус не оставил, но городской каменный театр оценил по достоинству, назвав его «просторным» и «недурным». Прямо скажем, скромно оценил. А ведь эта гордость купца Еврафа Ивановича Королёва и губернатора Ивана Ивановича Красовского вмещала до тысячи зрителей, что по провинциальным меркам того времени считалось завидной редкостью и большим везением для горожан, представляющих местный культурный истеблишмент.

Долгие годы Дирекция ТО ИРМО (куда входил в 1888/89 г. и Н.А. Гезехус) решала задачу открытия профессионального музыкального учреждения. Задача музыкального образования была, как правило, прописана в уставных документах любого вновь открывающегося отделения Императорского Музыкального общества. Томское не являлось исключением. Устройством музыкальных классов при ТО ИРМО особенно

озаботились члены его дирекции 1886–1889 гг., в частности один из директоров – Г.С. Томашинский. Именно он засыпал Главную дирекцию в Петербурге всевозможными письмами, бумагами, просьбами. Открытию в 1893 г. музыкальных классов ТО ИРМО предшествовала не только неустанная организационно-бюрократическая работа Г.С. Томашинского и других, вполне уверенно можно сказать, что самый первый «кирпич» в это здание был заложен стремлением Гезехуса создать студенческий оркестр при университете, подобно тем, что существовали в российских столицах. В полной мере понимая значение музыки в жизни молодого поколения, Николай Александрович щедро делился своими знаниями и умениями со студентами (о чём опять же он пишет Беляеву).

Вполне определённо можно считать, что первый ректор Сибирского университета, профессор физики Н.А. Гезехус стоял у истоков профессионального музыкального образования в Томске, да и во всей Сибири (если быть совсем точными). С ручейка, как известно, начинается река. «Река» эта с годами становилась всё полноводнее и глубже, поэтому вовсе не случайно в 2012 г. Томское музыкальное училище отмечало своё столетие, а в 2013 г. исполняется ровно 120 лет началу профессионального музыкального образования в западносибирском крае. Но и это не всё – исток «ручeyка» музыкального образования в Томске «зажурчал» ещё раньше, в 1888/89 учебном году в Доме общежития первого Сибирского университета, куда Дирекция ТО ИРМО передала «в пользование г.г. студентов 4 скрипки, 3 альты, и 1 виолончель... а Н.А. Гезехус давал им бесплатные уроки» [15]. На этом примере можно сделать вывод о том, что личность, наделённая креативным потенциалом и готовностью им делиться и при этом прибывшая на периферию из столичного города, не могла не способствовать обогащению провинциальной социокультурной среды; личностная инициатива приводила к возникновению новых культуртрегерских проектов, в данном случае в музыкальной жизни Томска.

Несмотря на водоворот культурных событий местного значения, душа Гезехуса, без сомнений, рвалась обратно в столицу. Это явно следует из его письма к М. Беляеву, из того, как он желает успеха Русским концертам в Париже, «о программе которых уже читал в газетах» (центральные органы печати в глубинке – это как глоток свежего воздуха и невидимая нить, соединяющая с «большой землёй»), и из того, что называет беляевскую жену Марией Андреевной (так только для близких, а официально она – Андриановна), и по приветам «всем нашим общим знакомым»... Из тех же газет Гезехус вскоре узнает, что во Всемирной выставке во Франции М.П. Беляев участвовал как предприниматель издательского дела (и получил бронзовую медаль, чем был несколько расстроен), и как меценат, организовавший Русские концерты, о которых «Новое время» на первой полосе сообщало: «Нельзя не поздравить г. Римского-Корсакова с патриотической идеей познакомить иностранцев с последними творениями русских композиторов... До сих пор французы были убеждены, что кроме Глинки и Чайковского у нас нет композиторов...» [16].

В июне 1889 г. Н.А. Гезехус уже всем сердцем был в родном Петербурге. Сибирь его не грела и ничего здесь удержать не могло. Отбыв из Томска, он еще некоторое время оставался уполномоченным от Томского отделения Императорского Русского Музыкального общества в его Главной дирекции. В этом качестве он выполнил первую просьбу (возможно она стала и последней) членов ТО ИРМО – передал поздравительный адрес основателю РМО Антону Григорьевичу Рубинштейну в связи с его 60-летием [11. С. 217]. По этому случаю 18 ноября 1889 г. в Томске был устроен концерт исключительно из произведений юбиляра, в котором блистала, как всегда, Ядвига Залесская... Николай Александрович Гезехус вряд ли сожалел о том, что не присутствовал на этом концерте, ведь он был уже «в своей колее», среди давних друзей по «беляевским пятницам», о которых невероятно тосковал целый год в Сибири, где жизнь шла своим чередом...

Земной путь Н.А. Гезехуса закончился в 1918 г., и могила его по сей день не обнаружена. Про его по-

томков тоже мало что известно. Однако если учесть, что у Николая Александровича помимо дочери были сыновья Дмитрий и Евгений, можно предположить, что от отца им передалась любовь к музыке, ибо в концертных программах 1912 г. Псковского отделения ИРМО встречается имя Д.Н. Гезехуса, исполнявшего теноровый репертуар, а в отчёте Владивостокского ИРМО за 1914/15 г. в числе членов его Дирекции значится имя Е.Н. Гезехуса и пианистки О.М. Гезехус (урожд. Кучеровой) [17]. Сегодня лишь учёные труды и содержательные письма, писанные собственноручно им, первым ректором первого Сибирского университета, да ещё музыкальное произведение для струнного квартета, созданное 11 мая 1895 г. участником Беляевского кружка замечательным русским композитором А.К. Глазуновым и посвященное музыканту-любителю Гезехусу, напоминают о физике Николае Александровиче Гезехусе [18. С. 523–524].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Профессора* Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1: 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 286 с.
2. *Ястребов Е.В.* Сто неизвестных писем русских учёных и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. 220 с.
3. *Беляев М.П.* и основанное им музыкальное дело. П., 1910. 24 с.
4. *Римский-Корсаков Н.А.* Летопись моей музыкальной жизни. М., 1980. 453 с.
5. *Стасов В.В.* Митрофан Петрович Беляев // Русская Музыкальная Газета. 1895. № 2. Стлб. 81–108.
6. *Луконин Д.Е.* Беляевский кружок в художественной жизни России: 80-е гг. XIX – начало XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009. 348 с.
7. *Трайнин В.Я.* Беляев и его кружок. Л., 1975. 128 с.
8. *Приселков М.Д.* Купеческий бытовой портрет XVIII–XX вв. Л., 1925.
9. *Витол Я.Я.* Воспоминания, статьи, письма. Л., 1969. 336 с.
10. *Государственный* центральный музей музыкальной культуры. Ф. 41. Ед. хр. 178–180.
11. *Куперт Т.Ю.* Музыкальное прошлое Томска (в письмах к А.Г. Рубинштейну). Томск, 2006. 788 с.
12. *Государственный* архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 7. Д. 467.
13. *Государственный* исторический архив Санкт-Петербурга (ГИАСПб). Ф. 408. Оп. 1. Д. 382.
14. ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 2660.
15. *Отчёт* ТО ИРМО за 1888/89 год.
16. *Новое* время. 1889. 24 июня.
17. ГИАСПб. Ф. 408. Оп. 1. Д. 763–767. Л. 2.
18. *Глазунов А.К.* Исследования, материалы, публикации, письма : в 2 т. Л., 1960. Т. 2. 570 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 марта 2013 г.